

Юлия Малкова

ПРОБЛЕМА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «НОВЫЕ НАХОДКИ».

Данные о жизни Макария Египетского довольно скудны. Архим Киприан (Керн) в работе «Золотой век Святоотеческой письменности» пишет, что «источниками для его биографии служат в главном: «Лавсаик», гл.19 и «История монахов», греческий текст коей был переведен на латинский язык Руфином (гл. 28). «Лавсаиком», по-видимому, пользовались и другие биографы Макария Египтянина: Созомен и Сократ. Родился Макарий в начале IV в., так как по «Лавсаику», Макарию минуло 90 лет. <...> Уйдя в египетскую пустыню в 30-летнем возрасте, он провел в ней 60 лет. Возможно, что он был учеником преп. Антония. Подвижничество его было настолько велико, что скитяне дали ему прозвище (παιδάριοῦερον) «младостарца», «потому что он свыше возраста преуспевал в добродетелях». Около 40 лет от роду он был удостоен пресвитерского сана, что было необычайно в монашеской среде того времени и той среды, где священства монахи обычно не принимали. Арианский еп. Луций воздвиг около 374 г. гонение против нитрийских иноков, верных православию. Но гонение это не было длительным. Скончался он естественною смертью. Церковь празднует его память 19 января» [1, стр. 147].

Преп. Макарию Египетскому предание приписывает немалое число трудов, из коих некоторые, очевидно, не подлинны, а другие требуют внимательного критического изучения, чтобы отделить в них подлинное от подложного. Это занимало историческую науку долгое время, но все же, несмотря на все старания, не привело к безусловно ясному выводу. Ни один из древних авторов не приписывает ничего перу Макария Египетского. Архим. Киприан (Керн) говорит, что «Лавсаик» и «История монахов» ни одним словом не обмолвились о литературных трудах этого подвижника. Лишь одно упоминание Геннадия Марсельского во второй половине V века упоминает с именем Макария «только одно послание к молодым монахам». Прот. Георгий Флоровский также пишет, что «единственное упоминание о литературной деятельности преподобного имеется у Геннадия Массилийского, который говорит о его творениях, но при этом называет «одно только послание» [2, стр.146]. «Позднейшее же предание, - указывает архим. Киприан, - надписало именем Макария немалое число трудов:

1. Три латинских и одно греческое послание,
2. Небольшую молитву,
3. 50 духовных бесед,
4. 7 аскетических произведений по-гречески: а) «О хранении сердца»; б) «О духовном совершенстве»; в) «О молитве»; г) «О терпении и рассуждении»; д) «О возвышении ума»; е) «О любви» и ж) «О свободе ума». К этому следует добавить:
5. Собранные Котелиэ «Апофтегмата» старцев, среди которых изречения Макария занимают немалое место.

6. Собранные Амэлино «Коптские апофтегмата» [1, стр. 152].

Совокупность творений преподобного Макария после открытия в 1917-1918 семи греческих слов и арабских переводов, восполнявших «Духовные беседы», стали называть «Макариевским корпусом».

Наиболее известными творениями «Корпуса» являются «Духовные беседы», составленные, как полагают, в X веке. А.Г. Дунаев пишет, что до этого произведения Макария упоминаются и цитируются лишь немногими авторами. (Дадишо Катрайя и св. Исаак Сирий в седьмом веке, и Иосиф Газзайя и Иоанн Дальятский - в восьмом). Он указывает, что «до XI века все византийские авторы тем не менее хранят удивительное молчание о творениях преп. Макария Египетского. Свое триумфальное шествие «Духовные беседы» начали лишь после победы исихастов, в кругу которых творения Макария пользовались величайшим авторитетом» [3, стр.12].

Впервые «Духовные беседы» напечатаны в Париже в 1559 году Иоанном Пиком. Они были переведены на многие европейские языки и стали достоянием христиан трех основных конфессий. Пожалуй, можно говорить о том, что проблема сочинений преп. Макария возникает в XVIII веке: одними из первых ученых, поставивших вопрос об авторстве Макария Египетского были западные патрологи Удэн и Землер. Удэн высказал мысль, что «Беседы», состоявшие изначально из необработанного материала дошли до нас уже в «причесанном виде» [3, стр.16]. С другой стороны, и в Греции в том же XVIII веке также возникло сомнение в подлинности произведений преподобного Макария. Рукопись Афинской Универсальной Библиотеки № 1267, датируемая 1783 г. и Афонская рукопись XVIII в. содержат рассуждения (являющиеся неопубликованной диссертацией) пелопонесского дидакала Неофита Кавсокаливита, подвергавшего все литературное наследие Макария, кроме «Апофтегмат», сомнению в подлинности и православности по причине содержащихся в них мессалианских идей [3, стр.15]. Но высказанные предположения Кавсокаливита не нашли в то время широкого научного отклика.

Самым крупным вкладом русской богословской литературы дореволюционного периода в библиографию «Макариан» следует считать докторскую диссертацию профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии А.А. Бронзова «Преподобный Макарий Египетский, его жизнь, творения и нравственное мировоззрение». Бронзов – сторонник безусловной подлинности «Макариан». Лишь «Аскетические описания» он соглашается признать за переработку Симеона Логофета. В конце первой четверти XX века интерес ученых к вопросу подлинности «Макариан» усиливается. Поводом для активного изучения рукописной традиции «Макариевского корпуса» послужило открытие о. Л. Виллекура в 1920 г., близкое к открытию Кавсокаливита. Виллекур обнаружил, что многие фразы «Духовных бесед» близко или дословно цитируются св. Иоанном Дамаскином в сочинении «О ересях» при изложении заблуждений мессалиан. Он выдвинул гипотезу, что «Макариевский корпус» является на самом деле мессалианским «Аскетиконом», написанным во второй половине IV века в районе Месопотамии и осужденным Третьим вселенским собором. Ученый А. Вильмар, развив эту гипотезу и соединив ее с более ранними наблюдениями Виллекура, предположил, что подлинным автором сочинений, дошедших под именем Макария Египетского был еретик-мессалианин Симеон Месопотамский. «Ученые и общественность испытали настоящий шок. Появились сенсационные статьи под названиями типа «Святой еретик», протестантские круги испытали некое конфессиональное «злорадство» [3, стр.14-

15]. Между учеными и исследователями различных конфессиональных взглядов возникает вопрос об аутентичности (подлинности) творений.

Как правило, проблема «Макариевского корпуса» в статьях и исследованиях большинства ученых разделяется на две части, тесно связанные между собой: это принадлежность вышеуказанных творений перу египетского подвижника и связь их с мессалианством – ересью, придерживающейся дуалистических взглядов, сведений о которой сохранилось крайне мало. (Кратко определим основные положения учения. Это обитание после грехопадения Адама в каждом человеке демона с самого момента рождения, владеющего человеком ипостасно или сущностно; спасение, по мнению мессалиан, заключается в изгнании демона, достигаемого постоянной молитвой. Мессалиане отрицали необходимость Церкви как учреждения и считали таинства излишними: причастие было для них лишь напоминанием, а крещение – внешним символом внутреннего перерождения. Мессалиане, называющие себя «духовными», отвергали и необходимость труда для монахов). На протяжении XX века были опубликованы новые данные по коптским и эфиопским источникам, с одной стороны, а с другой, появились серьезные исследования западных ученых Штигльмайера, Виллекура, Штоффелса, Дерриса и др. Ученые разделились на два лагеря. Одни не без серьезных оснований высказывали свои сомнения в подлинности «Духовных бесед», не сходясь во времени их; другие пытались отстаивать безусловную аутентичность «Бесед». Против аутентичности высказываются Удэн, Виллекур, Штигльмайр. С другой стороны Штоффелс, Гор, архимандрит Филарет, проф. Бронзов принимают подлинность бесед почти безоговорочно. Часть исследователей не высказывается открыто против авторства преп. Макария, но и не восстает против. Архим. Киприан (Керн) отмечает, что конфессиональная принадлежность авторов этих исследований здесь роли не сыграла. «Так, с одной стороны, казалось бы такие консервативные католики как бенедиктинец Виллекур и иезуит Штигльмайер резко нападают на подлинность «Бесед», а англиканин Гор защищает их подлинность с неожиданной убежденностью» [1, стр. 156-157].

Архим. Киприан является сторонником мнения, что автором «Корпуса» был или мог быть Макарий Египетский, считая указания на связь его с мессалианством необоснованными. О. Киприан в работе «Золотой век Святоотеческой письменности» перечисляет аргументы ученых против авторства преп. Макария и делает попытку доказать их несостоятельность, правда только лишь на основании творений второго типа - «Духовных бесед» [1, стр. 150-177]. Рассмотрим основные из этих аргументов:

1. Отсутствие упоминаний у ранних биографов Макария о его литературной деятельности. Но это внешний, по мнению многих сторонников авторства Макария, чисто формальный аргумент, ибо, интересуясь в первую очередь его подвижнической жизнью, не все древние авторы могли указывать на его литературные занятия.
2. Датировка творений. К. Керн считает, что, решающим моментом здесь является связь «Великого Послания» с трактатом св. Григория Нисского, который был создан, вероятнее всего, в последние годы жизни святителя, то есть ок. 390 г. («Великое Послание» занимает особое положение в творческом наследии преподобного Макария. Полный текст его впервые открыл и издал ученый В. Йегер, а критическое издание появилось позже. Особое положение этого послания объясняется не только богатством его богословского и аскетического содержания, но еще и тем, что оно во

многим совпадает (иногда даже буквально) с новооткрытым аскетическим трактатом святителя Григория Нисского «О цели жизни по Богу и об истинном подвижничестве». Подобное совпадение вызвало дискуссию о том, кто на кого повлиял: свт. Григорий на прп. Макария или наоборот. Большинство исследователей склоняется к тому, что «Великое Послание» предшествует по времени трактату свт. Григория.) Таким образом, исходя из хронологических рамок, «Корпус» вполне мог принадлежать Макарию Египетскому.

3. Место написания творений. Важность этого аспекта заключается в том, что он тесно связан с гипотезой мессалианского происхождения «Корпуса». Именно в этой связи ряд западных исследователей поддерживал теорию сиро-месопотамского происхождения творений. В пользу этой теории говорит и употребление автором творений сиро-македонского наименования месяца апреля – «ксанфик». Архим. Киприан объясняет употребление этого слова его распространенностью и заимствованием из бесед Кирилла Иерусалимского.
4. Отражение «Беседами» мессалианских влияний. Этим обуславливает свое убеждение в неподлинности творений бенедиктинец Виллекур. Мессалианство усматривается им в том, что:

- сами «Беседы именуется «духовными» (так называли себя мессалиане);
- в них преимущественное значение в духовном делании придается молитве;
- автор говорит о воплях о время молитвы, о видениях являющегося во время молитвы Креста и пр.[1, стр. 159]. Этот пункт обосновывается выдержкой из писаний преподобного: «Что молящимся может являться Крест в свете, и в какое-то время человек оказывается стоящим возле жертвенника, и приносятся ему три хлеба, замешанные на масле»[цит. по 3, стр. 167]. « Не приходится спорить с ним (о. Виллекур – прим. автора), - пишет архим. Киприан, - о том, что и у Дамаскина и у Макария приводятся сходные явления тех духовных искривлений, которые ученый бенедиктинец характеризует, как «мессалианство» Макария. Но тут явное недоразумение. Автор «Духовных бесед» не только не сторонник мессалианских искажений молитвенного подвига, но неоднократно сам осуждает эти искажения, подавая своим ученикам советы о том, как должно молиться, чтобы не исказить своей молитвы. Вот несколько примеров.

«Спросили авву Макария, как должно молиться? Старец ответил им: «нет нужды многословить (буквально: болтать, βαττολογεῖν), но простирать руки и говорить: «Господи, как хочешь и как знаешь, помилуй».

«На молитве стать надо умом, как мудрый кормчий, не подвергая мысль никаким помехам лукавого духа и не позволяя ей быть носимой волнами его».

«Приходящие ко Господу должны творить молитвы в безмолвии (ἐν ἡσυχίᾳ), мире и великом постоянстве, а не в неподобающих воплях и смятении, но внимать Господу в подвиге сердца и трезвении помыслов».

Автор «Бесед» всячески и многократно осуждает неправильные направления молитвы, полагая вместе с тем основания для будущего исихастского учения о ней» [1. стр. 160].

Указанную цитату о Кресте и хлебах приводит и Неофит Кавсокаливит как встречающуюся в сочинении Дамаскина и говорящую о мессалианских отражениях «Корпуса». Возражая на это обвинение, А.Г. Дунаев пишет: «Однако непонятно, что в этом плохого? Например, много позже юродивый Андрей, один из наиболее известных византийских святых, в видении вкушал хлебы – сладкий и горький. Преп. Варсануфий на вопрос о различении божественных явлений и бесовских видений прямо отвечает, что есть только один образ, в котором бесы не могут являться, - Крест» [3, стр. 167]

Архим. К. Керн признает, тем не менее, «что «Апофтегмата» представляют собою такой литературный материал, в котором весьма трудно отделить изречения, действительно высказанные Макарием, от тех, которые ему могло приписывать устное монашеское предание. Нельзя отрицать совершенно вероятность произнесения Макарием некоторых мыслей из этих «Изречений», но тем не менее нельзя с безусловной верою принимать все то, что ему составители подобных сборников приписывали. Семь «Аскетических» опусов, как теперь выяснено с достаточной бесспорностью, не являются произведениями Макария, а лишь литературной переработкой некоторых, и при том немалочисленных, мыслей из «Духовных бесед». Это очень поздние византийские вариации на темы из преп. Макария. Без особого затруднения обнаруживаются явные заимствования, объем коих колеблется от нескольких слов и строк до довольно крупных совпадений текста в аскетических опусах с текстом «Духовных бесед» [1, стр. 152].

Творениями Макария Египетского более полувека занимался протестантский ученый Герман Деррис. В монографии, изданной в 1941 г., он утверждает, что истинным автором «Корпуса» является Симеон Месопотамский, упоминаемый ранним церковным историком Феодоритом в числе пяти вождей мессалиан (евхитов, или «энтузиастов»), осужденных на Эфесском соборе 431 г. «Аскетикон» реконструировался исследователем на основании вопросо-ответной части творений. В западной науке получает распространение условное наименование «Корпуса» Макарий/Симеон. Однако после десятилетий работы над текстами и их богословским осмыслением Деррис пришел к выводу, что Макария/Симеона нельзя причислять к еретикам-мессалианам. «Разве, - пишет Деррис, - говорят что-либо о принадлежности Симеона к мессалианам сведения о том, что одним поколением спустя после него мессалиане пользовались руководством, составленным из его сочинений? Это еще вовсе не делает Симеона их единомышленником, он был просто высоко ценимым им авторитетом. Вот если бы он составил для них руководство, только тогда его принадлежность к мессалианам была бы доказана. <...> А кроме того, если главной чертой мессалиан, по Феодориту, был энтузиазм, то Симеон был не его адвокатом, а его противником: он осуждает энтузиазм и отвергает притязания «совершенных» на безгрешность» [4, стр. 8].

В поддержку православности «Корпуса» высказался и прот. Иоанн Мейендорф. «В писаниях Макария, - указывает он, - нет формально определенных мессалианских ересей (список которых имеется у константинопольского пресвитера Тимофея и у святого Иоанна Дамаскина), а лишь тенденции и намеки. Нам представляется, что Макарий был,

несомненно, православным писателем, происходившим, однако, из той же монашеской среды, что и мессалиане, и стремившийся (как и каппадокийские отцы) к сохранению с ними точек соприкосновения» [5, стр. 242]. Мейендорф указывает причину первоначального обвинения Деррисом писаний Макария в мессалианстве: «Будучи протестантом, Деррис применил к писаниям Макария протестантский критерий, а именно – разделение благодати и природы. К динамическому пониманию спасения у Макария этот критерий просто неприменим. Вкратце его взгляды можно изложить следующим образом. Макарий твердо уверен в личном характере христианской веры. Знать Бога можно лишь на уровне личного опыта». По западным представлениям, говорит о. Иоанн, такое утверждение отдает пелагианством, и, следовательно, дает Деррису основания считать Макария мессалианином. «Но такое понимание оставляет в стороне самую основу мистического учения Макария, согласно которому Царствие Небесное пронизывает и освещает весь видимый мир, а Христос есть единственный центр монашеской духовной жизни. Это постоянное подчеркивание центральности Христа выводит учение Макария за узкие рамки мессалианского дуализма» [5, стр. 242-243]. Отец Иоанн Мейендорф был сторонником теории малоазийского происхождения «Корпуса», но она не получила широкого распространения в силу слабого обоснования [1, стр. 169].

В последние годы появились новые статьи и исследования российских ученых по вопросу аутентичности «Корпуса» и связи его с мессалианством, отражающие различные точки зрения. В. Бибихин (псевдоним - В. Вениаминов), переводчик новонайденных проповедей Макария, т.н. «Новых гомилий», напротив, указывает, что автором «Корпуса» не может быть Макарий Египетский, им является какой-то другой выдающийся монах и проповедник. «Он жил, - пишет Бибихин, - не в Египте, а в Месопотамии: им упоминаются река Евфрат, набеги индийцев и сарматов, персов и готов, оборонительные сооружения, характерные как раз для приграничных областей тогдашней Римской державы, смежных с Персией, замерзающие зимой реки и озера и тамашнее название месяца апреля («ксанфик» - прим. авт.). Кроме того, не всегда Макариевы беседы носят это имя; иногда их автором назван Ефим Сириянин, а в арабских переводах – Симеон. На сирийское, а не африканское, происхождение намекает и загадочное, до сих пор не объясненное сходство трактата «О христианском установлении» св. Григория, епископа Нисского, с «Большим посланием» Макария» [4, стр. 5]. В отношении обвинений в мессалианстве автора В. Бибихин выдвигает следующую гипотезу: «Возможно, в бурную эпоху догматических споров соборному осуждению незаслуженно подвергся человек выдающегося таланта и благодатной силы, по своим личным привязанностям и жизненным обстоятельствам, не по убеждениям и писаниям, оказавшийся близким к тем, кто был осужден за еретичество [4, стр. 7]. Сторонником сирийского происхождения «Корпуса» является архиепископ Василий (Кривошеин): «По нашему мнению, Духовные Беседы и другие творения, приписываемые преподобному Макарию Египетскому, но написанные, вероятно, в Сирии в конце IV- начале V вв., представляют сплошной поток древней монашеской мистической духовности...» [8, стр.40].

А.Г. Дунаев в обширном предисловии к изданной в 2002 г. работе «Преподобный Макарий Египетский. Духовные слова и послания. Собрание типа I» приводит аргументы в защиту мнения ученых, что «подлинным автором «Макариевского корпуса» был некий Симеон Месопотамский, а имя Макария Египетского является псевдоэпиграфом [3, стр.157-158]. Основанием

для такого утверждения является анализ рукописной традиции греческих и славянских текстов, ранее не разбираемых. Эту же точку зрения о псевдоэпиграфе поддерживает и В. Биbihин, выдвигая следующие гипотезы и косвенные свидетельства: «С сочинениями великого проповедника, имя которого по недоразумению стало неблагонадежным, Церковь никак не могла расстаться, и вот для их спасения они были приписаны египетскому отшельнику, далекому от всяких обвинений. О том, как это произошло теперь можно только гадать. На различные предположения наводит помимо имени «Симеон» в арабских переводах Макария, еще и то, что первое из семи его «Слов», в некоторых списках непосредственно примыкающих к «Пятидесяти духовным беседам», имеет надписание: «Второе послание Макария к авве Симеону, подвижнику из сирийской Месопотамии». И чистая ли случайность то, что «Главы» из сочинений св. Макария вошли в обиход византийского монашества, исихастов, тоже под эгидой «Симеона» - Симеона Метафраста?» [4, стр. 9].

Патролог Сидоров А.И. (как и архиеп. Филарет (Гумилевский), архим. Киприан Керн) защищает принадлежность «Корпуса» преподобному Макарию. Он считает, что «гипотеза о принадлежности творений преподобного Макария некоему Симеону (или Симеону Месопотамскому) зиждется на весьма зыбких основаниях и построена буквально на песке домыслов и натяжек» [6, стр.124]. А.И. Сидоров полагает, что «аргументы, выдвинутые в пользу сирийского происхождения творений преподобного Макария, недостаточны для того, чтобы считать их авторство «псевдоэпиграфом» и переносить «Духовные беседы» с египетской почвы на какую-либо другую» [7, стр. 17].

Как правило, отмечает в своей работе Дунаев, православные ученые в своих статьях умалчивают о полемической направленности сочинения Иоанна Дамаскина «О ересях» против «Корпуса». В своей работе он подробно разбирает данную проблему, объясняя спорные места позднейшими вставками мессалиан. Автор опровергает обвинения «Корпуса» в мессалианстве и делает следующие выводы: «Автор «Макариевского корпуса», настаивая на незыблемости христианских идеалов и всех заповедей Спасителя в их «полном объеме», как бы вел войну на два фронта. С одной стороны, он утверждал необходимость всех церковных установлений, дисциплины монастырского чина, регламентирующего распорядок жития (в том числе трезвой молитвы и ручного труда), не допускал отклонений от догматов православной Церкви, препятствуя тем самым излишнему «энтузиазму» и духовной прелести. С другой стороны, он не давал свести христианство к его внешней стороне, напоминая, что главное дело каждого верующего во Христа – очищение внутреннего человека и стяжание Духа Святого во всей полноте. Тем самым, Макарий шествовал «царским путем», расходясь как с «энтузиазмом» в лице развивавшегося мессалианства, так и с «официальной церковью», предпочитавшей идти на компромисс с совестью ради шествования «широким путем» и полагавшей акцент на фарисейской праведности, для которой достаточно было исполнять лишь часть заповедей Христа. <... > Такая срединная (поистине «золотая»!) позиция «Макариевского корпуса» делала возможным использование (вернее, злоупотребление) его одной из противоборствующих сторон. Этому помогало и то, что Макарий/Симеон не старался особенно оттачивать богословскую терминологию и не всегда заботился о точности словоупотреблений. Циркулирование «Корпуса» в среде еретиков-мессалиан оказалось роковым для него, и православное толкование «Великого послания», предложенное св.

Григорием Нисским, не спасло ситуации. «Макариевский корпус», с которым православные епископы, боровшиеся с мессалианством, ознакомились из рук еретиков, был «приговорен». Однако и тут осуждение «Корпуса» произошло не сразу. ...через сорок лет, когда со смертью основных действующих лиц первой фазы мессалианских контроверз собрание творений Макария перестало восприниматься в должном историческом контексте, но продолжало активно пользоваться мессалианами, ничто уже не помешало интерпретации «Корпуса» в нужном полемическом ключе, хотя для этого пришлось произвести несомненное насилие над сочинениями, не имевшими еретического характера»[3, стр.221-223].

Так называемые «новые находки».

«Духовные беседы» (числом 50) остаются наиболее известным и основополагающим, но не единственным сборником сочинений, дошедших до нас под именем египетского подвижника. Как уже упоминалось в данной работе, в 1918 г. Г.Л. Марриот опубликовал семь новых «Духовных бесед», органично примыкающих к уже известным. После этого найден еще ряд рукописей. Существуют (подобно «Духовным беседам» в разных списках и вариантах), по крайней мере, еще два больших собрания, в которых имеются наряду с уже известными текстами, новые. Современные ученые выделяют четыре группы сборников творений преподобного Макария.

Первая группа представляет собой 64 «Слова и Послания». Возглавляет это собрание уже упоминаемое в данной работе «Великое Послание», которое было обнаружено ученым Йегером и издавалось им отдельно. Остальные 63 сочинения в двух частях издал немецкий ученый Хайнц Бертольд в 1973 г. Частично (13 «Слов») их перевел на русский язык архимандрит Амвросий (Погодин), а также архиепископ Василий (Кривошеин) (8 «Слов»). В 2002 было издано полностью собрание первого типа творений в переводе А.Г. Дунаева с обширным предисловием, посвященным проблеме «Макариевского корпуса» и комментариями.

Вторую группу представляют пятьдесят «Духовных бесед».

Третья группа – это собрание из 43 «Слов», но 15 из них совпадают с «Духовными беседами». Другие 28 «Слов» под заглавием «Макарий/Симеон. Новые гомилии» впервые издали в 1961 г. в ГДР ученые Эрих Клостерманн и Хайнц Бертольд. Это издание было осуществлено на базе, в основном, двух аналогичных сборников, остававшихся до последнего времени вне кругозора ученых и издателей, - пергаментной рукописи XI века из Афинской государственной библиотеки и рукописи XV века из русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. На русский язык несколько из этих «Гомилий» перевел владыка Василий (Кривошеин). Полностью перевод 28-ми бесед осуществил В.В. Бибихин под псевдонимом В. Вениаминов. Кроме этого, первые восемь «Гомилий» с обширными комментариями были изданы в переводе А.И. Сидорова.

Что же касается четвертой группы, то она включает 26 «Слов», которые почти полностью совпадают (хотя есть варианты) с творениями, вошедшими в первую группу.

Нельзя не отметить, что существует богатейшая традиция древних переводов творений преподобного Макария на сирийский, коптский,

арабский, армянский, грузинский, латинский, эфиопский и старославянский языки [6, стр. 108]. Это дает основания думать, что будут еще интересные открытия, проливающие свет на проблему «Корпуса», остающуюся открытой и по сей день. Так, А.Г. Дунаев, сообщает о новейших рукописных находках сочинений Макария, ссылаясь на статьи Р. Gehin,а [3, стр. 1028].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архим. Киприан (Керн). Золотой век Свято-Отеческой письменности. М.:Паломник, 1995.
2. Протоиерей Г. Флоровский. Восточные отцы IV - VIII веков. Репринт Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999
3. А.Г. Дунаев. Преподобный Макарий Египетский. Духовные слова и послания. Собрание типа I. М.:Индрик, 2002.
4. В.В.Бибихин. Макарий Египетский. Новые духовные беседы. Пер. В. Вениаминова [псевдоним В.В. Бибихина]. М.: Интербрук, 1990.
5. Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001.
6. Журнал «Альфа и Омега», № 3 (21) 1999 г. Статья А.И. Сидорова «реподобный Макарий Египетский и проблема «Макарьевского корпуса».
7. Творения древних отцов-подвижников. Пер., вступ. ст. и коммент. А.И. Сидорова. М.: Мартис, 1997.
8. Архиепископ Василий (Кривошеин). Преподобный Симеон Новый Богослов (949-1022). Нижний Новгород, 1996.